

«ЗАЧЕМ ДЕТИ ДОЛЖНЫ ИГРАТЬ САМИ»

Сейчас много ответственных родителей, полагающих, что они должны максимально много вложить в ребёнка в детстве, чтобы дать отпрыску возможность полностью реализоваться в будущем. Их охватывает беспокойство, когда они видят, как ребёнок «бесцельно болтается» по квартире или двору. Каждую минуту, когда ребёнок занимается чем-то своим, у родителей поднимается темное чувство вины. Оно бывает связано с тем, что они не могут загрузить ребёнка «на полную катушку». Или так, «как положено» — по словам всезнающих соседей и друзей.

Действительно, много весьма уважаемых людей полагает, что «после трёх уже поздно». А Глен Доман (1995, 1999) утверждает, что больше всего дети бездельничают до года. Именно он предложил методику чтения до года и способы формирования энциклопедических знаний у детей до 2-х лет. В результате дети, в соответствии с этой методикой, могут в 2 года вспомнить, когда была Трафальгарская битва (хотя плохо понимают, что такое битва и зачем она происходит).

Он вспоминает, как в детстве разобрал дедушкин будильник. Он собрал его, но часть деталей оказались лишними, будильник же перестал ходить. Дедушка не стал ругать мальчика. Но купил ещё один будильник. На этот раз осталось существенно меньше лишних деталей, хотя будильник все ещё не шёл. И лишь когда дедушка молча купил третий будильник, мальчик смог разобраться в хитросплетениях механизма, совладать с непослушными инструментами — отверткой и т. д. — и собрать работающие часы. Но дедушка не сидел рядом с мальчиком, вдалбливая ему, куда надо ставить те или иные детали. Дедушка создавал для ребёнка насыщенную среду, внутри которой ребёнок самостоятельно познавал мир и его законы.

Согласно этой концепции (Фрит, 2012), мозг не воспринимает информацию, но её предсказывает. А после каждого предсказания сверяет предсказание с получившимся результатом. Следовательно, именно ошибка становится для мозга ориентиром к правильному пониманию объективной реальности. Если мозг не ошибается, он имеет весьма неточную, субъективную картину мира, которая может отстоять от реальной картины весьма далеко.

Есть вещи, которые ребёнку нельзя объяснить и показать. Когда-то Ж.-Ж. Руссо назвал это пробуждением чувств.

Представьте годовалого малыша, сидящего в ванне. Он с увлечением запихивает пустую бутылочку с узким горлышком в воду, но она, подобно мячику, все время выскакивает на поверхность воды. Ребёнок уже знает, что все, что он кинет в комнату, неизбежно падает на пол. Так ведет себя и его тело, если подводят ноги. Но бутылочка сопротивляется этому знанию и заставляет ребёнка повторять и повторять

эксперимент. Он ещё не знает, что задолго до него такой эксперимент проводил

Архимед. И открыл закон.

Вдруг крышечка, которой была закрыта бутылочка, открывается, и ребёнок видит, как из неё в воде выходят пузырьки. Он ещё не знает, что есть воздух. Но он его сам открыл для себя. И он обнаружил, что когда пузырьки прекратятся, бутылочка будет вести себя, как обычный предмет в комнате. Всё — закон, который взрослые называют законом Архимеда, открыт обычным ребёнком в обычной ванне. Да, он не сможет его вербализовать. Возможно, в школе наконец-то он столкнется с точной формулировкой.

И тогда будет озарение. Но оно основано на этой длительной работе по насильственному погружению бутылочки в воду. И когда ему будут рассказывать на уроке физики про воздух, у него будет в мозгу картинка с пузырьками, идущими на поверхность воды из бутылочки. И он получит слова для открытого им самим закона.

Но возможна другая картина. Родители не позволят ребёнку 30 минут зря сидеть в ванной и «бесполезно» пихать бутылочку в воду. Они быстро помогут его сами, не позволяя играть с предметами, принесут на кровать и будут читать книжку о предметах, которые ребёнок не облизал, ни понюхал, ни потрогал. И тогда он будет знать слова. И сможет даже рассказать стишок. Но под этими словами не будет реального мира.

На сетчатке у ребёнка точечные изображения, потому что общая картина складывается из активности многих рецепторов. Более того, сетчатка плоская, поэтому в изображении нет пространства. Чтобы сложить эту мозаику в правильное изображение, имеющее объём, то, что ребёнок видит, он должен пощупать, засунуть в рот, возможно, ударить о пол и т. д. Только проведя эксперименты с объектом, он научится восстанавливать то, что видят глаза, в точное изображение объекта. И уже тогда это внутреннее сенсорное знание можно соединять со словом. Только тогда, слыша слово, ребёнок будет припоминать весь комплекс ощущений от объекта и будет точно понимать, о чём идет речь.

Только ребёнок, увидевший сам, как луч света из окна, спотыкаясь о пылинку, парящую в комнате, дает маленькую радугу, соединит это с видением большой радуги после дождя. И когда увидит красный закат позднее, сможет догадаться, что так преломляются солнечные лучи на пылинках в больших массах воздуха.

Ребёнок, которому не дано время для наблюдения, будет легко и свободно повторять те слова, которые дали ему взрослые, но он не сможет соединить их в единую картину мира.

Но родитель может и подогревать этот процесс познания. Например, лежа на травке, он может указать ребёнку на муравья и попросить отправиться на разведку, чтобы определить, где же находится муравейник. А вечером, вернувшись домой, открыть чудесную книжку Ондржея Секоры «Муравей Ферда» и прочесть что-то, обсудив с ребёнком, насколько то, что написано в книге, соответствует тому, что видел ребёнок.

Однажды мне позвонила женщина, чтобы проконсультироваться, как поступать. Её девочка-первоклассница восторженно рассказала учительнице в классе, что видела днём луну одновременно с солнцем. Учительница беспристрастно сказала, что луна бывает только ночью, и девочка всё нафантазировала, отвлекая класс от работы.

Ребёнок пришёл в слезах. А мама не знала, как поступать. Если ссориться с учительницей — как та будет потом общаться с её дочкой? Но это означает, что учительница прочла много книг. В том числе замечательную сказку великого русского поэта А.С. Пушкина про мёртвую царевну и семь богатырей, где чётко говорится, что Луна и Солнце друг с дружкой не встречаются. Но сказка всего лишь ложь, хотя в ней и есть намёк. Поэтому, кроме опоры на сказки, необходимо поднимать голову к небу, чтобы восхититься событием, когда встречаются луна и солнце. Учительница сказку знала, но не глядела на небо.

Мы часто смеёмся над американцами, что они в школе изучают таблицу умножения в 4 классе, тогда как наши дети учат её в течение лета между первым и вторым классом. Но мы не задумываемся над тем, что наши дети учат её как стишок, не понимая того смысла, который вложен в неё, тогда как в других системах образования, прежде чем дать ребёнку нечто учить, взрослый должен удостовериться, что он уже родил идею сложения и деления. И родит он эту идею благодаря непрерывной игре с цифрами, поднимаясь по лестнице, пересчитывая яблоки и раскладывая на берегу водоема разноцветные камушки. В какой-то момент происходит просветление, и то, что умножение — это определенный способ сложения, — вдруг открывается в своей первозданной чистоте.

Но проверьте своих детей, что они делают, когда забывают таблицу умножения, а рядом нет волшебника-компьютера. Это часто приводит к растерянности. Многие дети не могут другим способом рассчитать необходимую сумму. Им это знание досталось даром от взрослого. И этот дар оказался не оценённым, потому что собственных сил в познание вложено не было.

Точно так же геометрия — это не предмет в школе. Это кривизна мира. И её ребёнок должен почувствовать всем телом — ударяясь о предметы. И в соприкосновении с ними родить пока невербализованные законы. Например, что гипотенуза — лучший способ достижения некоторого места, чем движение по сумме катетов.

Игры, в которые играют дети, привыкшие к одиноким играм с младенчества, — это игры познания мира. Но если ребёнку никогда не давать возможность побыть с самим собой, он всегда будет требовать участия взрослого, развлекающего его, поскольку очень давно, сразу же после рождения, этот взрослый своей тревогой подавил в ребёнке желание самостоятельного познания мира. Но только этот способ познания позволяет дать уникальность картине мира ребёнка. Всё, что дает ребёнку взрослый,

— тривиальное знание данной культуры.

Ребёнок, задействованный с младенческих лет в социальных институтах обучения, сможет узнать только то, что знает к этому моменту общество. Но чтобы нечто создать самому, нужно иметь собственную уникальную картину мира. И тогда не вписывание в неё типичной картины, предлагаемой обществом, создаст ту ошибку, которая побудит его познавать и уточнять. И, в конце концов, создать то, что общество ещё не ведало.

Собственные игры ребёнка — его уникальный способ понимания мира и открытие его законов, пока на интуитивных образах, которые постепенно, отрабатывая в игре действия, ребёнок научится передавать словами. И именно эта картина мира ляжет в основу его уникального понимания мира. Отработка отдельных элементов, известных обществу, — лишь часть его жизни. И она будет только основой качественного исполнительства. Но никогда не может стать механизмом формирования творца. В ещё большей мере размышления требуются младшему и, безусловно, старшему школьнику. А потому родителям иногда стоит тихо пройти мимо двери, за которой 11-классник лежит на диване (и взрослому кажется, что плюёт в потолок), и не требовать, чтобы он тут же вспомнил про ЕГЭ. Ребёнку скоро выходить в мир, а потому стоит решить массу вопросов о будущей жизни, выборе профессии, смысле жизни, предательстве и любви. И на все эти вопросы сможет ответить только он сам. А если и здесь за него решат взрослые, то ему самому останется только быть рабом чьих-то желаний, даже если тот, кто эти желания продуцирует, думает, что «делает как лучше», хотя в нашей стране чаще всего получается «как всегда».

Но это не значит, что ребёнка нужно навсегда оставлять в одиночестве. Внимательный взрослый всегда видит, когда ребёнок устает от своего размышления — это слишком большая умственная работа. И тогда он тянется к взрослому. Нужно соблюдать баланс знаний, добываемых ребёнком самостоятельно и тем, что даёт ему взрослый. Чем старше ребёнок, тем больше его возможности к познанию. И, нагрузив ребёнка разными секциями, нужно проверить, есть ли у него время на самостоятельное размышление. Если нет — вы воспитываете исполнителя. И нужно забыть о творце.

Однако обеспокоенные родители могут спросить меня, но как отличить реально бессмысленную трату времени ребёнка от процесса созерцания и познания. Отличие есть. Ребёнок, просто «пинающий балду», отвлекается легко на что-то новое. Ребёнок познающий погружён в процесс познания, а потому может не отзываться ни на предложение попробовать конфету, ни на предложение поиграть в футбол, хотя в другое время делает это с удовольствием. Именно погружённость в процесс, при котором ребёнок не просто внимателен, но чрезмерно увлечён, причем мозг учится удерживать в зоне активного внимания предмет, и отличает безделье от познания.

Но это касается и школы. Учитель не должен всегда показывать детям всё. Он должен подталкивать к познанию, начав этот процесс, а дальше предоставив возможность самостоятельно открывать. И если ребёнок спрашивает решение, учитель показывает только первое действие, наблюдая за возможностью ребёнка сделать дальше самому. И далее предоставив только то, на что есть запрос, но не рассказывая каждый раз весь процесс решения от начала до конца.

Мы лишь сопровождаем ребёнка в этом мире, а не проживаем за него его жизнь.

Материал подготовила воспитатель Грушка В.В.